ЛБ19
358

Ольга Берггольц

ЛЕНИНГРАД

стихи и поэмы

советский писатель 1944

1519/358

О. БЕРГГОЛЬЦ

ЛЕНИНГРАД

СТИХИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1941

10-5-2м.

Б—48

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

8083137

Редактор *Е. Ковальчик*

Л2703. Подписано к печати 15/II 1944 г. Печ. л. 2⅞. Авт. л. 2,61. Уч.-изд. л. 2,75. Тираж 10000. Заказ 1519. Цена 2 р.

Тип. „Красный печатник", Москва, ул. 25 Октября, 5.

ЛЕНИНГРАДУ

Нам от тебя теперь не оторваться:
Одною небывалою борьбой,
Одной неповторимою судьбой
Мы все отмечены.
Мы — ленинградцы.

Нам от тебя теперь не оторваться:
Куда бы нас ни повела война,—
Твоею жизнию душа полна,
И мы везде и всюду — ленинградцы.

...Нас по улыбке узнают: не частой,
Но дружелюбной, ясной и простой.
По вере в жизнь. По страшной жажде счастья,
По доблестной привычке трудовой.

Мы не кичимся буднями своими:
Наш путь угрюм и ноша не легка,

Но знаем, что завоевали имя,
Которое останется в веках.

Да будет наше сумрачное братство
Отрадой мира,— лучшею, навек,
Чтоб даже в будущем по ленинградцам
Равнялся самый смелый человек.

Да будет сердце счастьем озаряться
У каждого, кому проговорят:
— Ты любишь так, как любят ленинградцы...
Да будет мерой чести Ленинград.

Да будет он любви бездонной мерой
И силы человеческой живой,
Чтоб в миг сомнения, как символ веры,
Твердили имя верное его.

Нам от него теперь не оторваться:
Куда бы нас ни повела война —
Его величием душа полна,
И мы везде и всюду — ленинградцы.

1941 ГОД

СЕСТРЕ

Машенька, сестра моя москвичка,
Ленинградцы говорят с тобой.
На военной грозной перекличке
Слышишь ли далекий голос мой?
Знаю — слышишь. Знаю, всем знакомым
Ты сегодня хвастаешь с утра:
— Нынче из отеческого дома
Говорила старшая сестра.
...Старый дом на Палевском, за Невской,
Низенький зеленый палисад.
Машенька, ведь это — наше детство:
Школа, елка, пионеротряд.
Вечер, клены, мандолины струны
С соловьем заставским вперебой.
Машенька, ведь это наша юность:
Комсомол и первая любовь.

А дворцы и фабрики заставы?
Труд в цехах неделями подряд?
Машенька, ведь это наша слава,
Наша жизнь и сердце — Ленинград.
Машенька, теперь в него стреляют,
Прямо в город, прямо в нашу жизнь,
Пленом и позором угрожают,
Кандалы готовят и ножи.
Но, жестоко душу напрягая,
Смертно ненавидя и скорбя,
Я со всеми вместе присягаю
И даю присягу за тебя.
Присягаю ленинградским ранам,
Первым разоренным очагам:
Не сломлюсь, не дрогну, не устану,
Ни крупицы не прощу врагам.
Нет, по жизни и по Ленинграду
Полчища фашистов не пройдут.
В низеньком зеленом палисаде
Лучше мертвой наземь упаду.
Но не мы — они найдут могилу.
Машенька, мы встретимся с тобой.
Мы пройдемся по заставе милой,
По зеленой, синей, голубой.

Мы пройдемся улицею длинной,
Вспомним эти горестные дни,
И услышим говор мандолины,
И увидим мирные огни.
Расскажи ж друзьям своим в столице:
Стоек и бесстрашен Ленинград.
Он не дрогнет, он не покорится,—
Так сказала старшая сестра.

12 сентября

ПЕРВОЕ ПИСЬМО НА КАМУ

Я знаю — далеко на Каме
Тревожится, тоскует мать.
Что написать далекой маме?
Как успокоить? Как солгать?
Она в открытках каждой строчкой,
Страшась и всей душой любя,
Все время молит:
«Дочка, дочка,
Прошу, побереги себя...»
О, я любой ценою рада
Тревогу матери унять.
Я напишу ей только правду.
Пусть не боится за меня.
«Я берегу себя, родная,
Не бойся, очень берегу.
Я город наш обороняю
Со всеми вместе, как могу.

Я берегу себя от плена,
Позорнейшего на земле.
Мне кровь твоя, чернея в венах,
Диктует: «Гибель, но не плен».
Не бойся, мама, я не струшу,
Не отступлю, не побегу:
Взращенную тобою душу
Непобежденной сберегу.
Не бойся, нет во мне смятенья,
Еще надолго хватит сил.
Победоносному терпенью
Недаром Ленин нас учил.
Не бойся, мама,— я с друзьями,
А ты люби моих друзей...»
...Так я пишу далекой маме.
Я написала правду ей.

Я не пишу,— и так вернее,—
Что старый дом разрушен наш,
Что ранен брат, что я старею,
Что мало хлеба, мало сна.
И главная, быть может, правда
В том, что не все узнает мать:
Ведь мы залечим эти раны,
Мы все вернем себе опять.

И сон — спокойный, долгий, теплый,
И песни с самого утра,
И будет в доме в ясных стеклах
Заря вечерняя играть.

И я кричу знакомым людям:
— Пишите правду матерям!
Пишите им о том, что б у д е т,
Не жалуйтесь, что трудно нам.

24 сентября

...Я буду сегодня с тобой говорить,
Товарищ и друг, ленинградец,
О свете, который над нами горит,
О нашей великой отраде.

Товарищ, нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды,
Но мы не забыты с тобой, не одни,
И это уже победа.

Смотри, материнской тоскою полна,
За дымной грядою осады
Не сводит очей воспаленных страна
С защитников Ленинграда.

Так некогда, друга отправив в поход,
На подвиг тяжелый и славный,
Рыдая, глядела века напролет
Со стен городских Ярославна.

Молила, чтоб ветер хоть голос домчал
До друга сквозь дебри и выси.
А письма летят к Ленинграду сейчас,
Как в песне, десятками тысяч.

Сквозь пламя и ветер летят и летят,
Их строки размыты слезами.
На ста языках об одном говорят:
«Мы с вами, товарищи, с вами».

А сколько посылок приходит с утра
Сюда, в ленинградские части.
Как пахнут и варежки и свитера:
Забытым покоем и счастьем.

И нам самолеты послала страна,—
Да будем еще неустанней.
Их мерная гулкая песня слышна,
И видно их крыльев блистанье.

Товарищ, прислушайся, встань, улыбнись
И с вызовом миру поведай:
— За город сражаемся мы не одни,
И это уже победа.

Спасибо, спасибо, родная страна,
За помощь любовью и силой,
Спасибо за письма, за крылья для нас,
За варежки тоже спасибо.

Спасибо тебе за тревогу твою,—
Она нам дороже награды.
О ней не забудут в осаде, в бою
Защитники Ленинграда.

Мы знаем — нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды,
Но Родина с нами, и мы не одни,
И нашею будет победа.

Октябрь

РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ

Дарья Власьевна,
соседка по квартире,
Сядем, побеседуем вдвоем.
Знаешь, будем говорить о мире,
О желанном мире, о своем.

Вот мы прожили почти полгода,
Полтораста суток длится бой.
Тяжелы страдания народа,
Наши, Дарья Власьевна, с тобой.

О, ночное воющее небо,
Дрожь земли, обвал невдалеке,
Бедный ленинградский ломтик хлеба,—
Он почти не весит на руке...

Для того, чтоб жить в кольце блокады,
Ежедневно смертный слушать свист,

Сколько силы нам, соседка, надо,
Сколько ненависти и любви.

Столько, что минутами, в смятенье,
Ты сама себя не узнаешь:
«Вынесу ли? Хватит ли терпенья?»
Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь.

Дарья Власьевна, еще немного,
День придет,— над нашей головой
Пролетит последняя тревога
И последний прозвучит отбой.

И какой далекой, давней-давней
Нам с тобой покажется война
В миг, когда толкнем рукою ставни,
Сдернем шторы черные с окна.

Пусть жилище светится и дышит,
Полнится покоем и весной.
Плачьте тише, смейтесь тише, тише,
Будем наслаждаться тишиной.

Будем свежий хлеб ломать руками,
Темнозолотистый и ржаной,

Медленными крупными глотками
Будем пить румяное вино.

А тебе,— да ведь тебе ж поставят
Памятник на площади большой.
Нержавеющей, бессмертной сталью
Облик твой запечатлят простой:

Вот такой же — исхудавшей, смелой,
В наскоро повязанном платке,
Вот такой, когда под артобстрелом
Ты идешь с кошелкою в руке.

Даонья Власьевна, твоею силой
Будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия.
Стой же и мужайся, как она.

5 декабря

ВТОРОЕ ПИСЬМО НА КАМУ

от я снова пишу на далекую Каму,
тавлю дату: двадцатое декабря.
ак я счастлива, что горячо и упрямо
Штемпеля Ленинграда
на конверте горят.
Штемпеля Ленинграда! Это надо понять.
се защитники города
понимают меня.

енинградец, товарищ, оглянись-ка назад
полугодье войны, изумляясь себе:
ы ведь смерти самой поглядели в глаза,
ы готовились к самой последней борьбе.

енинград в сентябре, Ленинград в сентябре...
латосумрачный царственный листопад,
крежет первых бомбежек, рыданье сирен,
емноржавые контуры баррикад.

Только все, что тогда я
на Каму писала,
Все, о чем я так скупо
теперь говорю,
Ленинградец,— ты знаешь,— было только
началом,
Было только вступленьем
к твоему декабрю.

Ленинград в декабре, Ленинград в декабре...
О, как ставеньки стонут на темной заре,
Как угрюмо твое ледяное жилье,
Как врагами изранено тело твое.

Мама, родина светлая, из-за кольца
Ты твердишь:
— Ежечасно гордимся тобой.
Да, мы вновь не отводим от смерти лица,
Принимаем голодный и медленный бой.
Ленинградец,
мой спутник,
мой испытанный друг
Нам декабрьские дни сентября тяжелей.
Все равно не разнимем
слабеющих рук,—
Мы и это, и это должны одолеть.

Он придет, ленинградский торжественный
полдень,
Тишины и покоя и хлеба душистого полный.

О, какая отрада,
какая великая гордость
Знать, что в будущем каждому скажешь
в ответ:
— Я жила в Ленинграде
в декабре сорок первого года,
Вместе с ним принимала
известия первых побед.

...Нет, не вышло второе письмо
на далекую Каму.
Это гимн ленинградцам — опухшим, упрямым,
родным.
Я отправлю от имени их за кольцо телеграмму:

«...ЖИВЫ, ВЫДЕРЖИМ, ПОБЕДИМ».

20 декабря

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

В еще невиданном уборе
Завьюженный огромный дот,—
Так Ленинград, гвардеец-город,
Встречает этот новый год.
Как беден стол, как меркнут свечи.
Но я клянусь: мы никогда
Торжественней, правдивей встречи
Не знали в прежние года.
Мы, испытавшие блокаду,
Все муки ратного труда,
Друг другу счастья и отрады
Желаем так, как никогда.
С безмерным мужеством и страстью
Ведущие тягчайший бой,—
Мы знаем, что такое — счастье,
Что значит верность и любовь.
Так выше головы и чаши

С глотком вина,— мы пьем его
За человеческое наше
Незыблемое торжество,
За Армию — красу и гордость
Планеты страждущей земной,
За наш угрюмый, темный город,
Втройне любимый и родной.
Мы, в чаяньи тепла и света,
Глядим в грядущее в упор.
За горе, гибель и позор
Врага.
За Жизнь.
За Власть Советов.

31 декабря

1942 ГОД

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

I

Был день, как день.
Ко мне пришла подруга,
Не плача, рассказала, что вчера
Единственного схоронила друга,
И мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова?
Я тоже ленинградская вдова.

Мы съели хлеб, что был отложен на день,
В один платок закутались вдвоем,
И тихо-тихо стало в Ленинграде.
Один, стуча, трудился метроном.

И стыли ноги, и томилась свечка,
Вокруг ее слепого огонька

Образовалось лунное колечко,
Похожее на радугу слегка.

Когда немного посветлело небо,
Мы вместе вышли за водой и хлебом
И услыхали дальней канонады
Рыдающий, тяжелый, мерный гул:
То Армия рвала кольцо блокады,
Вела огонь по нашему врагу.

II

А город был в дремучий убран иней.
Уездные сугробы, тишина,
Не отыскать в снегах трамвайных линий,
Одних полозьев жалоба слышна.

Скрипят, скрипят по Невскому полозья:
На детских санках, узеньких, смешных,
В кастрюльках воду голубую возят,
Дрова и скарб, умерших и больных.

Так с декабря кочуют горожане
За много верст, в степной туманной мгле,
В глуши слепых обледеневших зданий
Отыскивая угол потеплей.

Вот женщина ведет куда-то мужа.
Седая полумаска на лице,
В руках бидончик — это суп на ужин...
Свистят снаряды, свирепеет стужа,—
Товарищи, мы в огненном кольце...

А девушка с лицом заиндевелым,
Упрямо стиснув почерневший рот,
Завернутое в одеяло тело
На Охтенское кладбище везет.

Везет, качаясь, — к вечеру добраться б...
Глаза бесстрастно смотрят в темноту.
Скинь шапку, гражданин:
провозят ленинградца,
Погибшего на боевом посту.

Скрипят полозья в городе, скрипят.
Как многих нам уже не досчитаться!
Но мы не плачем: правду говорят,
Что слезы вымерзли у ленинградцев.
Нет, мы не плачем. Слез для сердца мало.
Нам ненависть заплакать не дает.
Нам ненависть залогом жизни стала,
Объединяет, греет и ведет.

О том, чтоб не прощала, не щадила,
Чтоб мстила, мстила, мстила, как могу,—
Ко мне взывает братская могила
На охтенском, на правом берегу.

III

Как мы в ту ночь молчали, как молчали...
Но я должна, мне надо говорить
С тобой, сестра по гневу и печали:
Прозрачны мысли и душа горит.

Уже страданьям нашим не найти
Ни меры, ни названья, ни сравненья,
Но мы в конце тернистого пути
И знаем — близок день освобожденья.

Наверно, будет грозный этот день
Давно забытой радостью отмечен:
Наверное, огонь дадут везде,
Во все дома дадут, на целый вечер.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
В грязи, во мраке, в голоде, в печали
Мы дышим завтрашним —
свободным, щедрым днем.
Мы сами этот день завоевали.

IV

...Враги лезмились в город наш свободный,
Крошились камни городских ворот.
Но вышел на проспект Международный
Вооруженный трудовой народ.

Он шел с бессмертным
возгласом
в груди:
— Умрем, но Красный Питер
не сдадим!

Красногвардейцы, вспомнив о былом,
Формировали новые отряды,
И собирал бутылки каждый дом,
И собственную строил баррикаду.
И вот за это долгими ночами
Пытал нас враг железом и огнем.
— Ты сдашься, струсишь,—бомбы нам кричали,—
Забьешься в землю, упадешь ничком,
Дрожа, запросят плена, как пощады,
Не только люди, камни Ленинграда.

Но мы стояли на высоких крышах
С закинутою к небу головой,

Не покидали хрупких наших вышек,
Лопату сжав немеющей рукой.

...Настанет день, и, радуясь, спеша,
Еще печальных не убрав развалин,
Мы будем так наш город украшать,
Как люди никогда не украшали.

И вот тогда на самом стройном зданьи,
Лицом к восходу солнца самого,
Поставим мраморное изваянье
Простого труженика ПВО.

Пускай стоит, всегда зарей объятый,
Так, как стоял, держа неравный бой,
С закинутою к небу головой,
С единственным оружием — лопатой.

V

О, древнее орудие земное,
Лопата, верная сестра земли.
Какой мы путь немыслимый с тобою
От баррикад до кладбища прошли.

Мне и самой порою не понять
Всего, что выдержали мы с тобою

Пройдя сквозь пытки страха и огня,
Мы выдержали испытанье боем.

И каждый, защищавший Ленинград,
Вложивший руку в пламенные раны,—
Не просто горожанин, а солдат,
По мужеству подобный ветерану.

Но тот, кто не жил с нами, не поверит,
Что в сотни раз почетней и трудней —
В блокаде, в окруженьи палачей
Не превратиться в оборотня, в зверя...
. . . . . .
...Я никогда героем не была,
Не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
Я не геройствовала, а жила.

И не хвалюсь я тем, что в дни блокады
Не изменяла радости земной,
Что, как роса, сияла эта радость,
Угрюмо озаренная войной.

И если чем-нибудь могу гордиться,
То, как и все друзья мои вокруг,

Горжусь, что до сих пор могу трудиться,
Не складывая ослабевших рук.
Горжусь, что в эти дни, как никогда,
Мы знали вдохновение труда.

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень, тащилась по пятам,
Такими мы счастливыми бывали,
Такой свободой дикою дышали,
Что внуки позавидовали б нам.

О, да, мы счастье страшное открыли,—
Оно другим неведомо пока,—
Когда последней коркою делились,
Последнею щепоткой табака,
Когда вели полночные беседы
У бедного и дымного огня,
Как будем жить, когда придет победа,
Всю нашу жизнь по-новому ценя.

И ты, мой друг, ты даже в годы мира,
Как полдень жизни, будешь вспоминать
Дом на проспекте Красных Командиров,
Где тлел огонь и дуло от окна.
Ты выпрямишься, вновь, как нынче, молод.
Ликуя, плача, сердце позовет

И эту тьму, и голос мой, и холод,
И баррикаду около ворот.

Да здравствует, да царствует всегда
Простая человеческая радость,
Основа обороны и труда,
Бессмертие и сила Ленинграда!

Да здравствует суровый и спокойный,
Глядевший смерти в самое лицо,
Удушливое вынесший кольцо,
Как Человек,
как Труженик,
как Воин.

Сестра моя, товарищ, друг и брат,
Ведь это мы, крещенные блокадой.
Нас вместе называют — Ленинград,
И шар земной гордится Ленинградом.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
В грязи и стуже, в голоде, в печали
Мы дышим завтрашним —
счастливым, щедрым дне
Мы сами этот день завоевали.

И ночь ли будет, утро или вечер,
Но в этот день мы встанем и пойдем
Воительнице Армии навстречу
В освобожденном городе своем.

Мы выйдем без цветов,
в помятых касках,
В тяжелых ватниках,
в промерзших полумасках,
Как равные, приветствуя войска.
И, крылья мечевидные расправив,
Над нами встанет бронзовая слава,
Держа венок в обугленных руках.

Январь—февраль

АРМИЯ

Мне скажут — Армия...
Я вспомню день — зимой,
Январский день сорок второго года:
Моя подруга шла с детьми домой,
Они несли с реки в бутылках воду.
Их путь был страшен, хоть и недалек;
И подошел к ним человек в шинели,
Взглянул — и вынул хлебный свой паек,
Трехсотграммовый, весь обледенелый.
И разломил, и детям дал чужим,
И постоял, пока они поели.
И мать рукою серою, как дым,
Дотронулась до рукава шинели.
Дотронулась, не посветлев в лице...
Не ведал мир движенья благодарней!
Мы знали всё о жизни наших армий,
Стоявших с нами в городе, в кольце...

Они расстались. Мать пошла направо,
Боец — вперед по снегу и по льду;
Он шел на фронт, за Нарвскую заставу,
От голода качаясь на ходу.
Он снег глотал, он чувствовал с досадой,
Что слишком тяжелеет автомат,
Добрел до фронта и пополз в засаду,
На истребленье вражеских солдат...
...Теперь ты понимаешь — почему
Нет Армии на всей земле любимей,
Нет преданней ее народу своему,
Великодушней и непобедимей.

ДОРОГА НА ФРОНТ

Мы шли на фронт по улицам знакомым,
Припоминали каждую, как сон:
Вот палисад отеческого дома,—
Здесь жил, шумя, огромный добрый клен.
Он в форточки тянулся к нам весною,
Прохладный, глянцевитый поутру,
Но этой темной, льдистою зимою
И ты погиб, зеленый шумный друг.

Зияют окна вымершего дома.
Гнездо мое, что сделали с тобой?
Разбиты стены старого райкома,
Его крылечко с кимовской звездой.
Я шла на фронт сквозь детство,
той дорогой,
Которой в школу бегала,— давно.

Я шла сквозь юность, сквозь ее тревогу,
Сквозь счастье свое — перед войной.

Я шла сквозь хмурое людское горе,
Пожарища, развалины, гробы,
Сквозь новый, только возникавший город,
Где здания прекрасны и грубы.

Я шла сквозь жизнь, сводя до боли пальцы.
Твердил мне путь, давнишний и прямой:
— Иди. Не береги себя. Не сжалься,
Не плачь, не умиляйся над собой.
И вот — река, лачуга, ветер жесткий,
Челны рыбачьи, дымный горизонт,
Землянка у газетного киоска —
Наш ленинградский неприступный фронт.
Да. Знаю. Все, что с детства в нас горело,
Все, что в душе болит, живет, поет,—
Все шло к тебе, торжественная зрелость,
На этот фронт у городских ворот.
Ты тяжела, я это тоже знаю.
Но все равно — пути другого нет.
Благодарю ж тебя, благословляю,
Жестокий мой,
короткий мой расцвет,
За то, что я сильнее и спокойней
И терпеливей стала во сто крат
И всею жизнью защищать достойна
Великий город жизни — Ленинград.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЭМА

I

Я, как рубеж, запомню вечер:
Декабрь, безогненная мгла,
Я хлеб в руке домой несла,
И вдруг соседка мне навстречу.

— Сменяй на платье,— говорит,—
Менять не хочешь, дай по дружбе:
Десятый день, как дочь лежит,
Не хороню. Ей гробик нужен.
Его за хлеб сколотят нам...
Отдай! Ведь ты сама рожала.
И я сказала: — Не отдам,—
И бедный ломоть крепче сжала.
— Отдай,— она просила,— ты
Сама ребенка хоронила.

Я принесла тогда цветы,
Чтоб ты украсила могилу.

...Как будто на краю земли,
Одни, во мгле, в жестокой схватке
Две женщины, мы рядом шли,
Две матери, две ленинградки.
И, одержимая, она
Молила долго, горько, робко.
И сил хватило у меня
Не уступить мой хлеб на гробик.
И сил хватило привести
Ее к себе, шепнув угрюмо:
— На, съешь кусочек, съешь...
прости!
Мне для живых не жаль, не думай.

..., Прожив декабрь, январь, февраль,
Я повторяю с дрожью счастья:
Мне ничего живым не жаль —
Ни слез, ни радости, ни страсти.
Перед лицом твоим, война,
Я поднимаю клятву эту,
Как вечной жизни эстафету,
Что мне друзьями вручена.

Их множество, друзей моих,
Друзей родного Ленинграда.
О, мы задохлись бы без них
В мучительном кольце блокады.

II

Вот предо мной письмо бойца.
Он с Ладоги, а сам волжанин.
Я верных рук ему не жала,
Не видела его лица,
Но знаю — друга нет верней,
Надежней, преданней, бесстрашней.
Его письмо, письмо к жене,
Твердит о давней дружбе нашей.
Он пишет: «Милая Наташа,
Прочти и всей родне скажи:
Спасибо вам за ласку вашу,
За вашу правильную жизнь.

Но я прошу, Наташа, очень:
Ты не пиши, как в прошлый раз,
Мол, «пожалей себя для дочки,
Побереги себя для нас...»
Мне стыдно речи эти слушать!

Прости, любимая, пойми,
Что Ленинград ожег мне душу
Своими бедными детьми.
Я в Ленинграде, правда, не был.
Но знаю,— говорят бойцы:
Там дети плачут, просят хлеба,
А хлеба нет. А мы — отцы...
И я, как волка, караулю
Фашиста сутками в снегу,
И от моей свирепой пули
Пощады не было врагу.
Лежу, порою до костей
Достигнет снег. Дрожу, устану...
Уйти? А вспомню про детей —
Зубами скрипну и останусь.
«Нет, — говорю,— позорный гад,
Палач детей, я здесь, я слышу,
На, получай еще заряд —
За ленинградских ребятишек».
...Наташа, береги Катюшу,
Но не жалей меня, жена,
Не обижай тревогой душу,
В которой ненависть одна.
Нельзя дышать, нельзя, жена,

Когда дитя за хлебом плачет...
Да ты не бойся за меня:
А как я жить могу — иначе?»

III

О, да — иначе не могли
Ни те бойцы, ни те шоферы,
Когда грузовики вели
По озеру в голодный город.
Холодный, ровный свет луны,
Снега сияют исступленно,
И со стеклянной вышины
Врагу отчетливо видны
Внизу идущие колонны.
И воет, воет небосвод,
И свищет воздух, и скрежещет,
Под бомбами ломаясь, лед,
И озеро в воронках плещет.
Но вражеской бомбежки хуже,
Еще мучительней и злей —
Сорокаградусная стужа.
Она царит на всей земле.
Казалось, солнце не взойдет:
Навеки ночь в застывших звездах.

Навеки лунный снег и лед,
И голубой свистящий воздух.
Казалось, что конец земли.
Но сквозь остывшую планету
На Ленинград машины шли:
Он жив еще. Он рядом где-то.
— На Ленинград, на Ленинград!
Там на два дня осталось хлеба,
Там матери под темным небом
Толпой у булочных стоят,
И дрогнут, и молчат, и ждут,
Прислушиваются тревожно:
— К заре, сказали, привезут..
Гражданочки, держаться можно...
И было так: на всем ходу
Машина задняя осела.
Шофер вскочил, шофер на льду.
— Ну, так и есть, мотор заело.
Ремонт на пять минут, пустяк,
Поломка вта — не угроза,
Да рук не разогнуть никак:
Их на руле свело морозом.
Чуть разогнешь — опять сведет.
Стоять? А хлеб? Других дождаться?
А хлеб — две тонны? Он спасет

Шестнадцать тысяч ленинградцев.
И вот в бензине руки он
Смочил, поджег их от мотора,
И быстро двинулся ремонт
В пылающих руках шофера.
Вперед! Как ноют волдыри.
Примерзли к варежкам ладони.
Но он доставит хлеб, пригонит
К хлебопекарне до зари.
Шестнадцать тысяч матерей
Пайки получат на заре —
Сто двадцать пять блокадных грамм
С огнем и кровью пополам.

О, мы познали в декабре:
Не зря «священным даром» назван
Обычный хлеб, и тяжкий грех
Хотя бы крошку бросить наземь.
Таким людским страданьем он,
Такой большой любовью братской
Для нас отныне освящен —
Наш хлеб насущный ленинградский.

IV

Дорогой жизни шел к нам хлеб,
Дорогой дружбы многих к многим.
Еще не знают на земле
Страшней и радостней дороги.
И я навек тобой горда,
Сестра моя, москвичка Маша,
За твой февральский путь сюда,
В блокаду к нам, дорогой нашей.

Золотоглаза и строга,
Как прутик, тоненькая станом,
В огромных русских сапогах,
В чужом тулупчике, с наганом,
И ты рвалась сквозь смерть и лед,
Как все, тревогой одержима,—
Моя отчизна, мой народ,
Великодушный и любимый.
И ты вела машину к нам,
Подарков полную до края,
Ты знала — я теперь одна,
Мой муж погиб, я голодаю.
Но то же, то же, что со мной,
Со всеми сделала блокада,

И для тебя слились в одно
И я и горе Ленинграда.
И, ночью плача за меня,
Ты забирала на рассветах
В освобожденных деревнях
Посылки, письма и приветы.
Записывала: «Не забыть:
Деревня Хохрино. Петровцы.
Зайти на Мойку, сто один,
К родным. Сказать, что все здоровы,
Что Митю долго мучил фриц,
Но мальчик жив, хоть очень слабый...»
О страшном плене до зари
Тебе рассказывали бабы
И лук сбирали по дворам
В холодных разоренных хатах.
— На, питерцам свезешь, сестра.
Проси прощенья — чем богаты...
И ты рвалась вперед, вперед,
Как луч, с неодолимой силой.
Моя отчизна, мой народ,
Родная кровь моя,— спасибо!

V

О, сквозь кольцо пробитый путь,
Единственный просвет в отчизну!
Но враг хотел кольцо замкнуть
Совсем, отнять дорогу к жизни.
Был Тихвин взят. Рыча и злясь,
Фашисты лезут к Волховстрою.
Все туже смертная петля
На горле города-героя.
Нет! Не дадим петлю стянуть.
Дорогу к городу не троньте!
И бьются за последний путь
Солдаты Северного фронта.

Войскам приказ — итти в атаку.
Заданье получает взвод,
Где командир Семен Потапов.
Он говорит: — Бойцы, вперед!
Сейчас рубеж займем. За ним
Враги. Они хотят прорваться.
Смелей, бойцы! Не предадим
Железный подвиг ленинградцев.

Огонь. Ползут.— Вставай! — Рванулись.
— За мною! — крикнул командир
И вдруг упал с немецкой пулей,
С проклятой пулею в груди.
Бойцы к нему. Но промедленье
В атаке — проигрыш, конец.
И командир в самозабвеньи
Кричит: — Не подходить ко мне!
За Ленинград — вперед! — Неистов
Его приказ. И верен взвод,
И, прыгая через него,
Летит вперед и мнет фашистов,
Штыки вонзает на бегу
В черно-зеленые мундиры...
...А он остался на снегу,
Как сотни красных командиров,
Как сотни тех, кто вел и звал,
К себе не ведая пощады,
Своею смертью смерть попрал,
Витавшую над Ленинградом.
А он лежал в крови густой,
Ничком, с простертыми руками,
Как будто прикрывал собой
Под ним распластанное знамя.

И что же — верно: кровь свою
Он, точно стяг, легко и гордо
Пронес в решающем бою
За жизнь твою, любимый город,
За дочку, за жену, за мать,
В ком эта жизнь горит и бьется,
Кто будет ждать его — так ждать,
Как ждут того, кто не вернется.

VI

Вот так, исполнены любви,
Из-за кольца, из тьмы разлуки
Друзья твердили нам: — Живи.
Друзья протягивали руки,
Оледеневшие, в огне,
В крови, пронизанные светом.
Они вручили вам и мне
Великой жизни эстафету.
Безмерно счастие мое...
Спокойно говорю в ответ им:
— Друзья, мы приняли ее,
Мы держим вашу эстафету.
Мы с ней прошли сквозь дни зимы,
В давящей мгле ее страданий

Всей силой сердца жили мы,
Всем светом творческих дерзаний.
Да, мы не скроем — в эти дни
Мы ели кожу, клей, ремни,
Но, съев похлебку из ремней,
Вставал к станку упрямый мастер,
Чтобы точить орудий части,
Необходимые войне.
Но он точил, пока рука
Могла производить движенье,
А если падал — у станка,
Как падает солдат в сраженьи.

Но люди слушали стихи,
Как никогда — с глубокой верой,
В квартирах, черных, как пещеры,
У репродукторов глухих.

И обмерзающей рукой,
Перед коптилкой, в стуже адской,
Гравировал гравер седой
Особый орден — ленинградский.
Колючей проволокой он,
Как будто бы венцом терновым,
Кругом — по краю — обведен,

Блокады символом суровым.
В кольце, плечом к плечу, втроем —
Ребенок, женщина, мужчина,
Под бомбами, как под дождем,
Стоят, глаза к зениту вскинув.
И надпись сердцу дорога:
Она гласит не о награде.
Она спокойна и строга:
«Я жил зимою в Ленинграде».

Так дрались мы за рубежи
Твои, возлюбленная Жизнь.
...И я, как вы, упряма, зла,
За них сражалась, как умела.
Душа, крепясь, превозмогла
Предательскую немощь тела.
И я утрату понесла.
К ней не притронусь даже словом,—
Такая боль... И я смогла,
Как вы, подняться к жизни снова,
Затем, чтоб вновь и вновь сражаться
За жизнь. Носитель смерти, враг
Опять над каждым ленинградцем
Заносит кованый кулак.

Но не волнуясь, не боясь,
Гляжу в глаза грядущим схваткам:
Ведь ты со мной, страна моя,
И я недаром — ленинградка.

Под эстафетой вечной жизни.
Тобой врученною, отчизна,
Иду с тобой путем единым
Во имя мира твоего,
Во имя будущего сына
И светлой песни для него.

Для дальней полночи счастливой
Ее, заветную мою,
Сложила я нетерпеливо
Сейчас, в блокаде и в бою.
Не за нее ль идет война?
Не за нее ли ленинградцам
Еще бороться и мужаться
И мстить без меры?
...Вот она:
«Здравствуй, крестник
Красных командиров,
Милый вестник,
Вестник мира.

Сны тебе спокойные приснятся,
Битвы стихли
на земле ночной,
Люди неба больше не боятся,
Неба, озаренного луной.

В синей-синей глубине эфира
Молодые облака плывут.
Над могилой красных командиров
Мудрые терновники цветут.

Ты проснешься на земле цветущей,
Вставшей не для боя — для труда,
Ты услышишь ласточек поющих,—
Ласточки вернулись в города.

Гнезда вьют они и не боятся,
Вьют в стене, пробитой под окном:
Крепче будет гнездышко держаться,
Люди больше не покинут дом.

Как чиста теперь людская радость,
Точно к миру прикоснулась вновь...
Здравствуй, сын мой, жизнь моя, награда,
Здравствуй, победившая любовь».

...Вот эта песнь. Она проста,
Она — надежда и мечта,
Но даже и мечту враги
Хотят отнять и обесчестить!

Так пусть гремит сегодня гимн
Одной неутолимой мести.

Пусть только ненависть сейчас,
Как жажда, жжет уста народа,
Чтоб возвратить желанный час
Любви, покоя и свободы.

Июнь-июль

ЛЕТО СОРОК ВТОРОГО ГОДА

Печаль войны все тяжелей, все глубже,
Все горестней в моем родном краю.
Бывает, спросишь собственную душу:
— Ну, как ты, что?..
И слышишь: — Устаю...
Но не вини за горькое признанье
Души своей и не пугайся, нет!
Она такое приняла страданье
За этот год, что хватит на сто лет.
И только вспомни, вспомни сорок первый:
Неудержимо двигался фашист,
А разве хоть на миг ослабла вера,
Не на словах, а в глубине души?
Нет. Боль и стыд нежданых поражений
Твоя душа сполна перенесла
И на путях печальных отступлений
Невиданную твердость обрела...

...И вот — опять... О, сводки с юга утром!
Как будто бы клещами сердце рвут.
Почти с молитвой смотришь в репродуктор:
— Скажи, что Грозного не отдадут!
Скажи, скажи, что снова стала нашей
Кубань, Ростов и пламенный Донбасс!
Скажи, что англичане от Ламанша
Рванулись на Германию сейчас...
...Но, как полынью, горем сводки дышат.
Встань и скажи себе, с трудом дыша:
— Ты, может быть, еще не то услышишь
И все должна перенести, душа.
Ты устаешь? Ты вся в рубцах и ранах?
Всё так. Но вот сейчас, наедине,
Не людям — мне клянись, что не устанешь,
Пока твое отечество в огне.
Ты — русская дыханьем, кровью, думой,
В тебе соединились не вчера
Мужицкое терпенье Аввакума
И царская неистовость Петра.
Такая, отграненная упорством,
Твоя душа нужна твоей земле...
Единоборство? Пусть единоборство!
Мужайся, стой, крепись и — одолей.

Август

ОСЕНЬ В ЛЕНИНГРАДЕ

Ненастный вечер, тихий и холодный.
Мельчайший дождик сыплется впотьмах.
Прямой-прямой, пустой Международный
В огромных, новых, нежилых домах.
Тяжелый свет артиллерийских вспышек
То озаряет контуры колонн,
То статуи, стоящие на крышах,
То барельеф из каменных знамен
И стены, сплошь в пробоинах снарядов...
А на проспекте кучка горожан:
Трамвая ждут у ржавой баррикады,
Ботву и доски бережно держа,
Вот женщина стоит с доской в объятьях.
Угрюмо сомкнуты ее уста.
Доска в гвоздях, как будто часть распятья,—
Большой обломок древнего креста...
Трамвая нет. Опять не дали тока,

А может быть, разрушил путь снаряд.
Опять пешком до центра,— как далеко!..
Пошли... Идут и тихо говорят
О том, что вот попался дом проклятый,
Стоит, хоть бомбой дерево ломай.
Спокойно люди жили здесь когда-то,
Надолго строили себе дома.
А мы... поежились и замолчали,
Разбомбленное зданье обходя.
Прямой проспект, пустой-пустой, печальный,
И граждане под сеткою дождя.
...О, чем утешить хмурых, незнакомых,
Но кровно близких и родных людей?
Им только б доски дотащить до дома
И не надолго руки снять с гвоздей.
И я не утешаю — нет, не думай,
Я утешеньем вас не оскорблю:
Я тем же каменным, сырым путем, угрюмым
Тащусь, как вы, и, зубы сжав, терплю.
Нет, утешенья только душу ранят.
Давай молчать...
...Но странно: дни придут,
И чьи-то руки пепел соберут
Из наших бедных, бедственных времянок
И с трепетом, неведомым для нас,

Снесут в музей, пронизанный огнями,
И под стекло положат, как алмаз,
Холодный пепел, смешанный с гвоздями.
Седой хранитель будет объяснять
Потомкам, приходящим изумляться:
— Вот это — след великого огня,
Которым согревались ленинградцы.
В осадных, черных, медленных ночах,
Под плач сирен и орудийный грохот,
В их самодельных временных печах
До тла сгорела целая эпоха.
Они спокойно всем пренебрегли,
Что не годилось для сопротивленья,
Все отдали победе, что могли,
Без мысли о признаньи в поколеньях.
Напротив, им казалось по-другому:
Казалось им тогда — всего важней
Охапку досок дотащить до дома
И не надолго руки снять с гвоздей,
Чтоб на ладонях затянулись ранки,
Чтоб, радуясь домашнему огню,
Семья сошлась бы около времянки
И сил набралась к завтрашнему дню.
Так, день за днем, без жалобы, без стона,
Невольный вздох — и тот в груди сдавив,

Они творили новые законы
Людского счастья и людской любви.
И вот теперь, когда земля светла,
Очищена от ржавчины и смрада,—
Мы чтим тебя, священная зола
Из бедственных времянок Ленинграда...

Каждый, посетивший этот прах,
Смелее станет, чище и добрее;
И, может, снова душу мир согреет
У нашего блокадного костра...

Октябрь

ОТРЫВОК

Октябрьский дождь стучит в квадрат оконный,
Глухие залпы слышатся вдали.
На улицах, сырых и очень темных,
Одни сторожевые патрули.
Мерцает желтый слепенький фонарик,
И сердце вдруг сжимается с тоской,
Когда услышишь: — Пропуск ваш, товарищ...
Как будто б ты не здешний и чужой.
Вот пропуск мой. Пожалуйста, проверьте.
Я здешняя, и этот город — мой,
У нас одно дыханье, сердце...
Я здешняя, товарищ постовой!
Но я живу в квартире, где зимою
Чужая чья-то вымерла семья.
Все, что кругом, накоплено не мною,
Все — не мое, как будто я — не я.
И точно на других широтах мира,

За целых два квартала от меня
Моя другая, прежняя квартира,
Без запаха людского, без огня.
Я редко прихожу туда, случайно;
Войду и цепенею, не дыша:
Еще не бывшей на земле печалью
Без слез, без слов терзается душа.
Да, у печали этой нет названья.
Не выплачешь, не выскажешь ее,
И лишь фанерных ставенок стенанье
Негромкое похоже на нее.
А на стекле полоски из бумаги,
Дождями покороблены, желты,—
Неведенья беспомощные знаки,
Зимы варфоломеевской кресты.
Недаром их весною отдирали
Те, кто в жилье случайно уцелел.
И только в неживых домах остались
Бумажные полоски на стекле.
Моя квартира прежняя пуста,
Ее окошки в траурных крестах.
Да я ли здесь жила с тобой? Да я ли
Кормила здесь когда-то дочерей?
Меня ль, меня ль глаза твои встречали
У теплых, у клеенчатых дверей?

Ты вскакивал, ты выбегал к порогу,
Чуть делались шаги мои слышны.
Ты восклицал: — Пришла? Ну, слава богу!
А было тихо — не было войны.
И странно, в дни обстрелов и бомбежек,
Когда свистела смерть на всех углах,
Ты ждал меня, ни капли не тревожась,
Как будто б я погибнуть не могла;
Как будто б я была заговоренной
Несокрушимой верностью твоей.
И тот же взгляд, восторженный, влюбленный,
Встречал меня у дорогих дверей.
Я все отдам — любовь и вдохновенье
И славу, щедро данную войной,
За ту одну минуту возвращенья
К тебе, под кров домашний старый, м о й...
Как будто я ослепла и оглохла:
Не услыхать тебя, не увидать.
Я слышу только дождь: он бьется в стекла.
И только дождь такой же, как тогда...

Октябрь

НОВОСЕЛЬЕ

...И вновь зима... Летят, летят метели:
Враг все еще у городских ворот.
Но я зову тебя на новоселье:
Мы новосельем встретим новый год.
Еще враги свирепый и бесцельный
Ведут обстрел по городу — со зла,
И слышен хруст стены и плач стекла...
Но я тебя зову — на новоселье.

Смотри — вот новое мое жилище...
Где старые хозяева его?
Одни — в земле, других нигде не сыщешь,
Нет ни следа, ни вести, ничего.
Они такие ж были горожане,
Как ты да я. Вот здесь, в своих домах,
Они с морозом, с голодом сражались
И пали здесь: осилила зима.
И властно воцарялось запустенье
В когда-то светлом, радостном дому.

Дышала смерть на городские стены,
Твердя: «Быть пусту дому твоему»...
Здесь холодом несло из каждой щели,
Отсюда **человек ушел**...
Но вот
Зову тебя сюда на новоселье,
Под этим кровом встретить новый год.

Смотри, я содрала с померкших стекол
Унылые бумажные кресты.
Зажгла огонь, очаг лучист и тепел,
Сюда вернулись люди: я и ты.

Вот здесь расставим мы библиотеку,
Здесь будет столик, стульчик и кровать
Для очень маленького человека:
Он в этом доме станет подрастать.

О, строгие, взыскательные тени
Былых хозяев дома моего!
Благословите наше поселенье,
Покой и долголетие его.
И мы тепло надышим в дом, который
Был занят смертью, погружен во тьму...
Здесь будет жизнь!
Ты жив, ты бьешься, город.
Не быть же пусту дому твоему.

31 декабря

1943 ГОД

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО НА КАМУ

...О, дорогая, дальняя,— ты слышишь?
Разорвано проклятое кольцо!
Ты сжала руки, ты глубоко дышишь,
В сияющих слезах твое лицо.

Мы тоже плачем, тоже плачем, мама,
И не стыдимся слез своих: теплей
В сердцах у нас, бесслезных и упрямых,
Не плакавших в прошедшем феврале.

Да будут слезы эти — как молитва.
А на врагов расплавленным свинцом
Пускай падут они в минуты битвы
За все, за всех, задушенных кольцом.

За девочек, по-старчески печальных,
У булочных стоявших, у дверей.

За трупы их в пикейных одеяльцах,
За страшное молчанье матерей.

О, наша месть, она еще в начале!
Мы длинный счет врагам приберегли:
Мы отомстим за все, о чем молчали,
За все, что скрыли от Большой Земли.

Нет, мама, не сейчас, но в близкий вечер
Я расскажу подробно обо всем,—
Когда вернешься в ленинградский дом,
Когда я выбегу к тебе навстречу.

О, как мы встретим наших ленинградцев,
Не забывавших колыбель свою!
Нам только надо в городе прибраться,—
Он пострадал, он потемнел в бою.

Но мы залечим все его увечья,
Следы ожогов злых пороховых.
Мы в новых платьях выйдем к вам навстречу,
К «стреле», пришедшей прямо из Москвы.

Я не мечтаю,— это так и будет,
Минута долгожданная близка.

Но тяжкий рев разгневанных орудий
Еще мы слышим: мы в бою пока.
Еще не до конца снята блокада...
Родная, до свидания.

Иду
К обычному и грозному труду
Во имя новой жизни Ленинграда.

18 января

ПЕСНЯ О ЖЕНЕ ПАТРИОТА

Хорошие письма из дальнего тыла
Сержант от жены получал
И сразу, покамест душа не остыла,
Друзьям по оружью читал.

А письма летели сквозь дымные ветры,
Сквозь горькое пламя войны,
В зеленых, как вешние листья, конвертах,
Сердечные письма жены.

Писала, что родиной стал из чужбины
Далекий сибирский колхоз.
Жалела, что муж не оставил ей сына,—
Отца б дожидался да рос...

Читали — улыбка с лица не скрывалась,
Читали — слезы не сдержав.

— Хорошая другу подружка досталась,
Будь счастлив, товарищ сержант!

Пошли ей, сержант, фронтовые приветы,
Земные поклоны от нас.
Совет да любовь вам, да ласковых деток,—
Когда отгрохочет война.

А ночью прорвали враги оборону,
Отчизне грозила беда.
И пал он обычною смертью героя,
Заветный рубеж не отдав.

Друзья собрались и вдове написали,
Как младшей сестре дорогой:
«Поплачь, дорогая,— убудет печали,
Поплачь же над ним, над собой...»

Ответ получили в таком же конверте,
Зеленом, как листья весной.
И всем показалось, что не было смерти,
Что рядом их друг боевой.

«Спасибо за дружбу, отважная рота,
Но знайте,— писала она,—

Не плачет, не плачет вдова патриота,
Покамест бушует война.

Когда же сражений умолкнут раскаты
И каждый к жене заспешит,—
В тот день я, быть может, поплачу, солдаты,
По-женски поплачу навзрыд...»

...Так бейся же насмерть, отважная рота,
Готовь же отмщенье свое —
За то, что не плачет вдова патриота,
За бедное сердце ее.

Февраль

ЛЕНИНГРАДКЕ

Еще тебе такие песни сложат,
Так воспоют твой облик и дела,
Что ты, наверно, скажешь: — Не похоже.
Я проще, я угрюмее была.

Мне часто было страшно и тоскливо,
Меня томил войны кровавый путь.
Я не мечтала даже — стать счастливой,
Но так порой хотелось отдохнуть.

Да, отдохнуть ото всего на свете:
От поисков жилья, тепла, еды,
От жалости к моим исчахшим детям,
От вечного предчувствия беды,

От страха за того, кто мне не пишет
(Увижу ли его когда-нибудь?),

От свиста бомб над беззащитной крышей,
От мужества и гнева — отдохнуть.

Но я в печальном городе осталась
Хозяйкой и служанкой, для того
Чтобы сберечь тепло и жизнь его...
И я жила, преодолев усталость.

Я даже пела иногда. Трудилась.
С людьми делилась солью и водой.
Я плакала, когда могла. Бранилась
С моей соседкой. Бредила едой.

И день за днем лицо мое темнело,
Седины появились на висках.
Зато, привычная уже к любому делу,
Почти железной сделалась рука.

Смотри, как цепки пальцы и грубы!
Я рвы на ближних подступах копала,
Сколачивала жесткие гробы
И малым детям раны бинтовала.

И — не проходят даром эти дни:
Неистребим свинцовый их осадок.

Сама печаль, сама война глядит
Познавшими глазами ленинградок.

Зачем же ты меня изобразил
Такой отважной и такой прекрасной,
Как женщину в расцвете лучших сил,
С улыбкой горделивою и ясной?..

Но, не приняв суровых укоризн,
Художник скажет с гордостью, с отрадой:
— Затем, что ты — сама любовь и жизнь,
Бесстрашие и слава Ленинграда.

8 марта

ВЕСНА В ЛЕНИНГРАДЕ

... Ты слышишь ли,— живой и влажный ветер
В садах играет, ветки шевеля?
Ты помнишь ли, что есть еще на свете
Земной простор, дороги и поля?

Мне в городе, годами осажденном,
Откуда нет простых, прямых путей,
Все видится простор освобожденный
В бескрайной, дикой, русской красоте.

Мне в городе, где нет зверей домашних,
Ни голубей — хотя б в одном окне,—
Мерещатся грачи на рыжих пашнях
И дед Мазай с зайчатами в челне.

Мне в городе, где нет огней вечерних,
Где только в мертвой комнате окно
Порою вспыхнет, не затемнено,
А окна у живых чернее черни,—

Так нужно знать, что все, как прежде,— живо!
Что где-то в глубине родной страны
Все те же зори, журавли, разливы
И даже города освещены;

Так нужно знать, что все опять вернется
Оттуда, из глубин, сюда, где тьма,
Что я, наверно, не смогла б бороться,
Когда б не знала этого сама...

Март

Третья зона. Дачный полустанок.
У перрона — тихая сосна.
Дым, туман, струна звенит в тумане,
Невидимкою звенит струна.
Здесь шумел когда-то детский лагерь
На веселых ситцевых полях.
Всю в ромашках, в пионерских флатах,
Как тебя любила я, земля.
Это фронт сегодня. Сотня метров
До того, кто смерть готовит мне.
Но сегодня тихо. Даже ветра
Нет совсем. Легко звучать струне.
И звенит, звенит струна в тумане...
Светлая, невидимая,— пой.
Как ты плачешь. радуешься, манишь.
Кто тебе поведал, что со мной?
Мне сегодня радостно до боли,
Я сама не знаю, отчего.
Дышит сердце небывалой волей,
Силою расцвета своего.

Знаю, смерти нет: не подкрадется,
Не задушит медленно она,—
Просто жизнь сверкнет и оборвется,
Точно песней полная струна.
...Как сегодня тихо здесь, на фронте.
Вот среди развалин, над трубой,
Узкий месяц встал на горизонте,
Деревенский месяц молодой.
И звенит, звенит струна в тумане,
О великой благости моля...
Всю в крови,
в тяжелых ржавых ранах,
Я люблю, люблю тебя, Земля.

Весна

ТВОЯ МОЛОДОСТЬ

Ленинградским комсомольцам

Будет вечер — тихо и сурово
О военной юности своей
Ты расскажешь комсомольцам новым,—
Сыновьям и детям сыновей.

С жадностью засмотрятся ребята
На твое солдатское лицо,
Так же, как и ты смотрел когда-то
На седых буденновских бойцов.

И с прекрасной завистью, с порывом,
С тем, которым юные живут,
Назовут они тебя счастливым.
Сотни раз героем назовут.

И, окинув памятью ревнивой
Не часы, а весь поток борьбы,
Ты ответишь:
— Да, я был счастливым.
Я героем в молодости был.

Наша молодость была не длинной,
Покрывалась ранней сединой.
Нашу молодость рвало на минах,
Заливало таллинской волной.
Наша молодость неслась тараном —
Сокрушить германский самолет.
Чтоб огонь ослабить ураганный —
Падала на вражий пулемет,
Прямо сердцем дуло прикрывая,
Падала, чтоб Армия прошла...
Страшная, неистовая, злая,—
Вот какая молодость была.

А любовь—любовь зимою адской,
Той зимой в осаде, на Неве,
Где невесты наши ленинградские
Были не похожи на невест...
Лица их — темней свинцовой пыли,
Руки — тоньше, суше тростника...

Как мы их жалели,
как любили,
Как молились им издалека.
Это их сердца неугасимые
Нам светили в холоде, во мгле.
Не было невест еще любимее,
Не было прекрасней на земле.
И любви такой же окрыленной
Люди не узнают никогда.
Молодость, по-рыцарски влюбленная,—
Вот какой была она тогда.

...И под старость, юность вспоминая,
— Возвратись ко мне,— проговорю.—
Возвратись ко мне опять такая,
Я такую трижды повторю.
Повторю со всем страданьем нашим,
С той любовью, с тою сединой,
Яростную, горькую, бесстрашную
Молодость, крещенную войной.

29 октября

СОДЕРЖАНИЕ

Ленинграду 3

1 9 4 1 год

Сестре 5
Первое письмо на Каму 8
Я буду сегодня с тобой говорить 11
Разговор с соседкой 14
Второе письмо на Каму 17
Новогодний тост 20

1 9 4 2 год

Февральский дневник 22
Армия 32
Дорога на фронт 34
Ленинградская поэма 36
Лето сорок второго года 53
Осень в Ленинграде 55
Отрывок 59
Новоселье 62

1 9 4 3 год

Третье письмо на Каму 64
Песня о жене патриота 67
Ленинградке 70
Весна в Ленинграде 73
Третья зона, дачный полустанок 75
Твоя молодость 77

2 руб.